

Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений между Россией, Крымом и Османской империей¹

Халил Инальджик

Аннотация. Данная статья представляет собой перевод с английского языка научной работы турецкого историка крымскотатарского происхождения Халила Инальджика "Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature". В ней рассматриваются исторически сложившиеся взаимоотношения между данными странами. Автор анализирует причины изменений титулатуры, используемой главами данных стран. В частности, автор предполагает, что использование титула «*государь*» берет свое начало в 1480 году, после достижения Московской «независимости» от Золотой Орды. Рассматривается возникновение и использование титулов *царь* /*хан* (*The Title Tsar* /*Khan*). Автор подчёркивает, что титул *царь* всегда использовался как соответствующий титулу *хан*. В статье также дан подробный анализ изменений титулатуры главами этих стран в контексте силовых взаимоотношений между странами.

Ключевые слова: Османская империя, Крымское ханство, титулатура, суверенитет, Россия, Гераи, силовые взаимоотношения.

Для цитирования: *Инальджик Х.* Отражение в титулатуре силовых взаимоотношений между Россией, Крымом и Османской империей / *Инальджик Х.*; пер. с англ. *Сейтхалилова Л. С.* // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 86–107. DOI: 10.22378/kio.2019.2.86-107

Как система семиотических символов, призванных заявить о своём месте и власти в мире, титулатура имеет первостепенное значение для правителя. Она решительным образом заявляет и определяет властные отношения с людьми и пространством, и его окружением как в мире, так и в пространстве. В своём недавнем исследовании титулатуры московского правителя Марк Шефтель (Marc Szeftel) [1] представил её эволюцию следующим образом:

---

¹ Перевод статьи с английского языка – *Сейтхалилова Л. С.*

- 1) Великий князь Владимирский, или Grand Prince of Vladimir;
- 2) Великий князь всея Руси, или Grand Prince of all Rus (1328);
- 3) Божьей милостью, или Dei Gratia, (1449);
- 4) Великий государь, или Gospodar (с 1448 г. – в отношениях между князьями, с 1489 г. – в международных отношениях);

5) Самодержец, или Autocrat (с 1492 г. использовался церковью, начиная с 1591 года использовался в международных отношениях);

6) Царь (Tsar) в середине XV века использовался церковью, коронация Ивана IV как царя имела место 16 января 1547 г.

7) Царь (Tsar) Казанский, или царь (Tsar) Астраханский (1553, 1554 гг.). В 1591 году посланники царя к польскому королю называли своего правителю следующим образом: Великий государь наш царь и Великий князь Фёдор Иванович, всея Руси самодержец.

Учитывая авторитет, руководящие и церемониальные функции ортодоксальной (православной) церкви в представлении и санкционировании таких титулов, была принята общая тенденция, в основе которой лежал византийский вариант большей части титулов [2].

Имея дело с царской титулатурой, важно определить, какой титул предназначался и для какой аудитории: то ли он главным образом использовался внутри государства или для международных отношений, или же, как в случае с Россией, для Восточного или Западного мира. В историческом анализе также важно знать особую цель, исторический контекст и обстоятельства, стоящие за принятием именно этого титула. Для России наиболее важной и непосредственной исторической реальностью в силовых взаимоотношениях был вопрос сюзеренитета татар не только в эпоху Золотой Орды (1234–1502 гг.), но и в последующий период.

Сюзеренитет Золотой Орды до его разгрома крымским ханом в 1502 году, а затем и притязания последнего на восстановление и продолжение наследия Золотой Орды, угрожающе маячил в течение XVI века и влиял на титулатуру московских правителей настолько, насколько от этого зависел их международный статус.

Реакция татар была весомой реальностью, не далее как в 1571 году Девлет Герай, хан Крыма, вторгся в Россию и сжёг окраины Москвы. Фактически существовали два параллельных варианта развития в процессе освобождения России: первое, de facto, это создание своей военной силы и успешное сопротивление хану, и второе – признание ханом изменяющихся силовых отношений. Наиболее важным было не просто принятие титула. Такое действие требовало чрезвычайно осторожной дипломатической подготовки. В противном случае это могло иметь чрезвычайно опасные последствия для самого существования Московии как государства. Государ-

ство могло быть в опасности не только по причине вторжения татар, но и вследствие тесных взаимоотношений хана с могущественными западными соперниками Москвы, то есть Литвой и Польшей (между Литвой и ханом Большой Орды Ахматом существовал альянс, а позднее и между Казимиром IV и крымским ханом в 1480, 1511, 1516 и 1520 годах).

Эволюция титулатуры москвитян в период доминирования татар

Существует научная концепция, что титул Ивана I, Великий князь, приобрёл новое значение, когда в 1328 году ярлык хана Золотой Орды Узбека (1311–1341 гг.) уполномочил его действовать как посредник между ханством и русскими князьями в сборе положенной дани и в прочих подобных делах [3].

Это гарантировало преимущество московского князя среди других русских княжеств и готовило его к объединяющей и освободительной роли в будущей борьбе. Уже Иван I (1328–1340 гг.) титуловал себя «великим князем всея Руси», и этот титул непрерывно использовался до 1655 г. (Сравните с титулом татар *Barça Moğol Pādişāhi* – *Верховный правитель монгольского народа*) [4].

С принятием титула *Божьей милостью (Dei Gratia)*, который впервые был использован в договоре с королём Казимиром IV в 1449 году, предполагается [5], что великий князь Московии, должно быть, среди всего прочего претендовал и на получение права сюзеренитета напрямую от самого господина Бога. Это понятие явно входило в конфликт с сюзеренитетом хана. В действительности своим альянсом с Казимиром в 1449 году великий князь бросал вызов своему могущественному сюзерену Сид (Саид) Ахмед-хану, Sid (Sayyid) Ahmed Khan (1433–1465 гг.) [6].

Предположительно также [7], что использование титула *государь* произошло в период достижения Московией своей так называемой «независимости» от Золотой Орды в 1480 г.

Титул Царь/Хан (The Title Tsar`/Khan)

Поскольку татары были весьма заинтересованной стороной, несостоятельность уплатить годовую дань создавала наиболее серьёзное ухудшение отношений с вассалитетом, а это обычно каралось военными действиями. В этом и была причина конфронтации между великим князем московским и Ахматом, ханом Золотой Орды, состоявшейся на реке Оке в 1480 году. Однако встреча не завершилась битвой, поскольку хан покинул поле битвы под обещание Ивана III уплатить дань. Но, что интересно, по возвращении

в Москву великого князя встретили как победителя и освободителя. Историография сочла эту дату началом независимости России [8].

Но трудно понять, почему московский монарх не принял титул *царь* (Tsar'), равный по значению *хан* (Khan), до 1547 года. Фактически наиболее важным событием для великого князя в 1480 году был альянс с Менгли Гераем, крымским ханом. Причиной этого являлось то, что Менгли Герай был Чингисидом, претендующим на Великое ханство, и, как протеже и вассалу Османского султана, ему было предназначено судьбой нанести решающий удар по Золотой Орде. Вопрос заключается в том, почему в течение этого периода Иван III (1462–1505 гг.) и его наследник Василий (1505–1533 гг.), вопреки внутреннему хаосу в Золотой Орде, следовавшему после кончины Ахмед-хана в 1481 году, не мог претендовать на титул *царь* (Tsar'). Этот титул, и это необходимо помнить, всегда использовался московской канцелярией как соответствующий по смыслу титулу *хан* (Khan) [9].

Строгое понятие татар о законном суверенитете требовало, чтобы хан был из рода Джучи (Djodji), старшего сына Чингисхана, который отцом был назначен правопреемником большей части западных земель империи. В среде тюрко-монгольского народа Евразии сохранилось незыблемое правило, что только кто-нибудь из их собственной родословной мог претендовать на ханство.

Следовательно, таким образом, даже такие могущественные фигуры, как Ногай, Мамай или Едигей (Edigü), не осмеливались принять титул «хан» (Khan) [10].

Три вместе взятых условия определяли, кто имеет право претендовать на этот титул:

1. Происхождение из династии Чингисидов, как это уже упоминалось ранее.

2. Фактическая принадлежность к Улусу (Ulus) или могущественным племенам под правлением четырёх Карачи-беков (Karaçu begs) [11].

3. Действительное владение *Улуг Юртом* [Uluğ Yurt], известным также как *Taxt* (Takht) или *Сарай* (Saray), столицей империи [12].

4. Эта система приписывалась Чингисхану и называлась «*Яса*» («Yasa» – закон, устав. – Прим.пер.) или «*Töge-i Djengiz – Khāni*» («Закон, устав, право Чингизидов». – Прим. пер.), она имела почти священное значение для военных племён до той поры, пока суверенитет хана признавался. Она бескомпромиссно отстаивалась главами племенной аристократии до конца Крымского ханства. Например, в XVII веке Мурад Герай-хан (1678–1683 гг.) был верный сторонник «*Töge – i Djengiz – Khāni*» [13].

А также после поражения Мамай на Куликовом поле в 1380 году испытанием и условием для сохранения титула великого ханства была возможность вновь навязать России татарский суверенитет и оплату дани.

Великий Юрт или Тахт (the Uluğ-Yurt or Takht) был территорией посередине реки Итиль (Волга), где Бату-хан (1237–1256 гг.), основатель Золотоордынского ханства, построил себе город – столицу *Сарай* (Saray) [14].

Чтобы стать законным улуг-ханом (Uluğ Khan), претенденту на трон требовалось действительное владение этим «святым» имперским центром, наряду с верностью ему четырёх племён *Карачи* (Karaçu tribes), обеспечивавших главную военную силу хана.

Герои Крыма происходили из рода *Чингисидов* и считались потомками Токтамыш-хана (Toktamış Khan, 1377–1395 гг.) [15], который восстановил единство Золотой Орды и сюзеренитет татар над Россией в 1382 году [16]. Однако Менгли Герая, хану Крыма, всё ещё предстояло выполнить два оставшихся условия, чтобы быть признанным в мире татар как великий хан, а именно: сплотить имперские племена под своим контролем и захватить *Улуг Юрт* [17]. Его политика установления контроля над Улусом не была абсолютно успешной. Его усилия по перемещению татарских племён в Крым силовым методом на самом деле отталкивали эти племена, в том числе и ногаев.

Кроме того, он не мог покинуть пределы Крыма, ставшего к тому времени центром мощи и процветания, в то время как *Сарай* разрушался (особенно после вторжения в 1395 году Тимура, или Тамерлана, и последовавших вслед за этим междоусобных войн) [18].

В 1502 году Менгли Герай разгромил войска Шейх Ахмеда (Sheykh Ahmed), захватил и полностью разрушил *Сарай*. Теперь, чувствуя себя преемником Золотой Орды, он известил Ивана III о своей победе, с тем что отныне Иван будет платить дань ему. С той поры великий князь московский стал сторонником побеждённого хана и помогал ему обустроивать ногайские племена в регионе Астрахани. С другой стороны, сыновья Улуг Мухаммеда (Uluğ Muhammed), хана Золотой Орды, а позднее основателя Казанского ханства (Khanate of Kazan), уже перешли под протекторат Московии. Касым, сын Улуг Мухаммеда, в 1445 году из-за разногласий со своим братом Махмудеком по поводу ханства в Казани нашёл прибежище в Москве. Под протекцией великого князя в 1453 г. он основал Касимовское ханство с центром в г. Городец (Gorodets). Это ханство стало местом сбора многих сосланных татарских приверженцев, которые таким образом служили планам великого князя об установлении протектората над Казанью. То, что великий князь был не только союзником, но и действительным защитником ханов рода *Чингисидов*, во многом усилило его престиж среди татар и стало одним из наиболее важных факторов, приведших позднее к его принятию титула *царь/хан* (Tsar/Khan) [19].

В 1502–1554 годы ханства Казани и Астрахани, а также племена ногаев в районе старого *Сарая* оказались в фокусе противостояния между крымскими ханами и московскими князьями за наследие империи Золотой Орды.

Или, иными словами, перед лицом возрождения мощи Золотой Орды при крымских ханах. Московия была вынуждена во имя своего собственного будущего установить контроль на средней и нижней Волге и, таким образом, претендовать на Великое Ханство.

Эта борьба достигла своей наивысшей, решающей и драматической фазы при управлении Мухаммеда Герая I (1514–1523 гг.) и Сахиба Герая I (1532–1551 гг.). Мухаммед Герай проводил антимосковскую политику с 1507 года, когда он ещё был *калгой* (*kalğay*), или наследным принцем. Сменив Менгли-хана, в 1516 году возобновил союз с Литвой и Польшей, которые в то время были в состоянии войны с Москвой. Через своих дипломатов он просил московских князей прекратить вмешиваться в дела Казани и платить прежнюю дань за город Одоев [20], а также отказаться от своих последних завоеваний в Литве. Затем крымский хан вслед за вступлением своего брата Сахиба Герая на трон Казани в 1521 году подошёл со своей армией к Москве. Однако он не стал штурмовать город, поскольку татарская кавалерия была не эффективна перед русской артиллерией. Получив обещание ежегодной уплаты дани, он вернулся домой. Начиная с той поры крымские ханы требовали от Москвы ежегодную дань, называемую *великой данью* (*uluğ khazîne*). Русские интерпретировали это как «*gift*» – «*подарок*», хотя в реальности это действительно была *дань*, чтобы спасти свои территории от татарских набегов. Хан всегда считал регулярную оплату *великой дани* первичным и главным условием мира между двумя странами [21].

Как бы это ни интерпретировалось, Мухаммед Герай, очевидно, считал это продолжением дани, оплачиваемой великим ханам Золотой Орды. Требование подразумевалось уже в самом титуле, который он использовал, возобновляя договор о сотрудничестве с королём Польши, великим князем Литвы в 1520 г. Там он позиционировал себя как «*Ulu-Ordanuñ Ulu Khanı Deşt-i Kıpçak barça Moğol Pādişāhi*» («*Великий хан Великой Орды и Император степей Дешт-и Кипчак со всем монгольским народом*»). Здесь титул *Великая Орда* (*Uluğ Orda*) относится к основным племенам, а также к центральному региону на нижней Волге. Дешт-и Кипчак (*Deşt-i Kıpçak*) обозначал степной регион Восточной Европы, начиная от реки Днестр и до Астрахани, который населяли тюрко-монгольские племена. Империя Мухаммеда Герая распалась после того, как он был убит ногаями в 1523 году на равнинах Астрахани [22].

В период 1500–1525 гг. Стамбул стал ареной крымских и русских дипломатических усилий по сохранению благожелательности султана. В то время как великий князь пытался поддерживать дружбу с Османами, основываясь на давлении, которое Москва оказывала на Литву – Польшу, и выгоды от расширяющейся торговли (например, мехом), крымцы («*the Crimeans*» – крымские татары. – Прим. пер.) подчёркивали османскому

султану такие моменты, как позор вторжения на мусульманские земли неверных москвитян. Даже обвинили москвитян в уничтожении мечетей и постройке церквей в Казани, в оказании помощи *кизилбашам* (Kizilbash) Ирана. Московским посланцам, отправляемым в Стамбул в 1521 году, рекомендовали отрицать утверждение крымцев, в частности об уничтожении мечетей, и доказывать, что ханы Казани были обеспечены на много поколений вперёд «государем московским правителем, Божьей милостью государем всея Руси» («sovereign Moscovite ruler, by God's grace sovereign of all Russ'») [23].

Подкрепляя свои притязания на суверенитет над всеми татарскими землями, московский правитель доказывал, что Иван III *даровал* (*granted*) различным ханам (которых в московских источниках именовали *tsar'*) владения землёй в своём государстве в обмен на их службу [24].

Жестокая внутренняя борьба за власть в период упадка Золотой Орды и в истории ханств-преемников вынудила многих изгнанных ханов или ханзаде (сыновей ханов) искать убежища в соседних странах, включая Османскую империю, Литву и Московию. Каждое из этих государств использовало ситуацию, чтобы установить своё собственное влияние или протекцию над землями татар [25].

Московские князья, в частности, поощряли татарских принцев (ханзаде) селиться на территории Московии, часто со своей свитой беков и сородичей. Московский князь, таким образом, стал защитником и сюзереном татарских *«царей»* или *«царевичей»*. «Сюзеренитет» над ханами Казани (все потомки Чингисхана), кажется, сыграл решающую роль в принятии Иваном IV титула *царь* или *хан* (*tsar'* или *khan*). Принятие этого понятия сюзеренитета и титула *царь* (*tsar'*) может быть обобщено следующим образом.

Первое, великий князь интерпретировал свою помощь претендентам на трон Казани из рода *Чингисидов* (первый пример был в 1487 году) как обоснование московского «протектората» над Казанью и как дачу ему законной прерогативы, чтобы инвестировать хана Казани [26]. Однако в официальной переписке великий князь всегда обращался к хану Казани, как к «брату», то есть как равному. Ярослав Пеленский (Jaroslav Pelensky) [27] предполагает, что великому князю сначала удалось установить свой *de facto* и *de jure* протекторат над Казанским ханством в период 1516–1519 гг., воспользовавшись преимуществом добровольного подчинения казанских ханов. Фактически, как это констатировалось в официальном документе *Летописец начала царства* (*Letopisets nachala tsarstva*) [28], в конечном анализе оказывается, что это была именно «аристократия» Казани, решившая в пользу протектората Московии над Казанью. Текст звучит таким образом: «Известный князь Булат и все его огланы (oglan – мальчик, юноша, парень. В татарских государствах «огланы» – это представители родов Чингисидов,

не принадлежавшие к находящемуся у власти роду, т.е. в Крыму огланами были все Чингисиды, не бывшие Гераями. – Прим. пер.), принцы и весь народ Казани дали клятву верности и грамоту великому сюзерену Ивану Васильевичу [действительную] в том, что они всегда будут [едины] с Великим князем и никогда не пригласят другого *царя* (*tsar*) без согласия Великого князя...». Главной целью великого князя было стремление узаконить притязания Московии на «протекторат» над татарами Казани через согласие *совета аристократии татар* (*kuriltai*), вопреки «притязаниям» Крыма на *yurt* и *ulus* Казани [29]. В монгольских государственных традициях именно *курултай* на законном основании решал, кто примет ханство [30]. Тот факт, что *курултай* Казани признал прерогативу государя Московии на провозглашение на престол хана, является первостепенной важности в понимании, почему великий князь впоследствии притязал на ханство или на титул *tsar*.

Иван IV пытался оправдать кампанию против Казани в 1549 году, аргументируя тем, что народ Казани нарушил свою первоначальную присягу и стал проявлять лояльность крымским Гераям (Crimean Girays) [31].

Однако, предвидя аргумент, что *курултай* Казани был волен выбирать на трон любого Чингисида, Московия приготвилась противостоять ему теорией древних территориальных прав, таких как *вотчина* (*votchina*) или наследие московского правителя. Это впервые было применено в отношении Казани в 1520 году [32].

Была выдвинута следующая формулировка претензий на наследие, обосновывающая московскую кампанию против Сахиба Герая, казанского хана, который, по московской логике, был узурпатором [33]: «Земля Казани принадлежала нашему государству со времён древности...». Право инвеституры (назначение на должность) было основано на этом требовании. На этих притязаниях настаивали даже ещё больше в следующем, критическом 1546 году, когда новый крымский ханзаде Сафа Герай был провозглашён на престол Казани.

В том же самом году инвеститура была использована, чтобы потребовать наследие перед послом османского султана. Османский посол Искендер использовал это утверждение и, аргументируя тем же самым обоснованием, заявил: [34] «Царь Сахиб Герай отправил [свою миссию] прошлой весной к нашему государю [с заявлением], и он покорился нашему государю; а этот *yurt* [принадлежал] нашему государству и Великий князь больше не должен посылать свою армию против Казани».

Ярослав Пеленский совершенно справедливо отметил [35], что российская дипломатия преднамеренно путала тюрко-монгольское понятие *yurt* с русским понятием *votchina*, или наследие. Истина заключалась в том, что понятие московского правителя о Казанском юрте было реакцией на на

претензии Мухаммеда Герая на юрт Казани как на часть Великого Юрта Золотой Орды (Uluğ Yurt of the Golden Horde) и на свои наследственные права Чингисида. Иван IV в письме к правителю Ногай Юсуфу (*Nogay Lord Yüsuף*) в январе 1552 года рассматривал Казань как «свой юрт с древнейших времён» («his yurt from antiquity») [36]. Теория юрта, очевидно, предназначалась в основном для татар, и особенно для ногаев [37]. Вдобавок, следуя традициям Золотой Орды, в 1550 году Иван IV подчеркнул, что Казань также была страной, которая платила дань московскому монарху [38].

Когда Иван IV завоевал Казань в 1552 году и положил конец существованию ханства, была разработана уже новая теория, что Бог даровал им юрт Казани и это завоевание освободило Казань от «мятежников» и «узурпаторов». Об этом завоевании ногаи были извещены в послании: «Государство, царь и Великий князь вернули своё наследие – Великое царство Казани» [39]. Интересно отметить, что «законные» требования Московии к ханству Казани предъявлялись постепенно, соответственно особым историческим ситуациям и целям. Именно после этого завоевания Иван IV добавил титул *царь Казани* («*Tsar` of Kazan*») к своей титулатуре. Вскоре Московия аннексировала и «*Астраханское царство*» («*Tsardom of Astrakhan*»), которое составляло исторический Улуг Юрт Золотой Орды (Uluğ Yurt of the Golden Horde) и обеспечивало верность ногайских племён региона [40].

Можно с уверенностью предполагать, что османская мощь, бывшая тогда на пике (она была в состоянии запугать Габсбургскую империю Европы), повлияла на течение событий решающего периода в восточноевропейской истории между 1502–1554 годами. Обосновавшись в Крыму (1475 г.) и Аккермане (1484 г.), Османы с целью защиты новых приобретений преследовали в этом регионе политику протекции более слабой стороны от более сильной.

Сначала при Менгли Герае, их преданном вассале с 1475 года, они поддерживали альянс Крымского ханства и Московии против Литвы – Польши и агрессивной Золотой Орды. Османский султан активно защищал крымского хана от хана Ахмата в 1476 году, когда тот угрожал вторгнуться в Крым [41]. Именно протекция Османов дала возможность Менгли Гераю предпринять контратаку и сделать решительный удар по Золотой Орде в 1502 году. Но, когда Османы стали свидетелями независимой и амбициозной политики Мохаммеда Герая, направленной на возрождение Золотой Орды под его собственным контролем, и предстали перед его притязаниями на Османскую Каффу, османско-крымские отношения стали напряжёнными. Во внешней политике крымские и османские цели тоже отличались. В то время как султан желал сотрудничества Крыма против Литвы – Польши, которые конфликтовали с Османами по вопросу о Молдавии, Крымское ханство находило Литву – Польшу незаменимыми союзниками против Моско-

вии. Отношения между Селимом I (1512–1520 гг.) и Мохаммедом Гераем были отмечены недоверием. Московия быстро оценила преимущество в перемене отношений Османов к хану. Московские посланцы часто появлялись в Стамбуле и всегда находили благожелательный приём [42].

После убийства Мохаммеда Герая (1523 г.) время бедствий потрясало Крым вплоть до прибытия из Стамбула в 1532 году Сахиба Герая в качестве хана. Сахиб Герай I (1532–1551 гг.), бывший ранее ханом Казани (1521–1525 гг.), являлся непримиримым врагом Москвы, и его назначение на пост главы ханства означало, что ему, в конце концов, удалось убедить Порту об угрозе на севере со стороны Москвы. Однако период его правления ханством стал свидетелем повторения той же самой истории, что и при правлении Мохаммеда Герая [43].

Этот энергичный хан пытался усилить экипировку своих солдат огнестрельным оружием и реорганизовать ханство соответственно централизованной системе Османов. В 1546 году он в итоге сумел установить контроль над Астраханским и Казанским ханствами, где теперь его брат Сафа Герай-хан (1546–1549 гг.) сменил протекже Москвы хана Шах Али (Şah Ali Khan) (1518–1521, 1546 гг.). Год 1546-й был решающим в понимании последовавшего далее развития событий. Осознав, что это решающий момент к действию, Иван IV мобилизовал все свои силы против Сафы Герая в Казани. Иван использовал этот момент также, чтобы принять титул *царь* (16 января 1546 г.), который соответствовал титулу *великий хан (Uluğ Khan)*, титул правителя Золотой Орды. Его военная кампания провалилась. Царь продолжал борьбу, однако при условиях, которые он считал очень благоприятными для себя. Поскольку с 1546 года Османское государство начало действовать против Сахиба Герай-хана, бывшего на пути возрождения на севере Золотой Орды. Далее его стали подозревать в притязаниях на крымскую прибрежную зону, бывшую под прямым правлением Османов. Согласно Реммалу Ходже (Remmāl Khodja), очевидцу того периода [44], визири султана говорили: «Хан не проявляет ни малейшего уважения к посланцам из Порты. Если он объединит свои силы с ногаями (Астрахани), никто с ним не сможет соперничать и ему противостоять».

Наряду с этим вокруг Сахиба Герая распространялись слухи о его намерении взять у Османов Каффу. После смерти Сафы Герай-хана (1549 г.) Иван IV при пособничестве промосковской фракции казанской аристократии 16 августа 1551 года возвёл на трон Казани Шаха Али. Остальная часть истории о том, как в 1552 году царь аннексировал царство Казани и представил себя как *царь Казани (Kazanskii Tsar)*, хорошо известна. Но основная точка в понимании окончательного успеха царя должна быть представлена здесь.

У Османского государства имелся в Крымском ханстве план по замене

Сахиба Герая более податливым и покладистым Гераем. При этом не связывать внутреннюю борьбу в стране, а затем спасти Казань, снабжая военные экспедиции против Москвы уже при новом хане. Порта надеялась на сохранение сотрудничества с татарами Казани, Астрахани и ногаями. В 1551 году Девлет Герай, кузен Сахиба Герая, был якобы назначен ханом Казани самим султаном, но на самом деле он прибыл в Аккерман, выжидая удобный момент для взятия трона Крыма. Попытка поставить Казань под сюзеренитет и протекцию Османов была новой интересной линией развития событий. Но Сахиб Герай предложил устранить Девлета Герая, планируя затем назначить собственных сыновей ханами Казани и Астрахани. Последовавшая борьба закончилась провалом планов Османов. Начиная с периода правления ханством Сахиба Герая османский султан Сулейман I (1520–1566 гг.), сознавая свой долг калифа защищать мусульманские земли от нападений христиан, стал противостоять планам москвитян, имеющих целью перехватить наследие Золотой Орды в долине реки Итиль (Волга) [45]. Вслед за завоеванием Ивана IV началась совместная крымско-османская кампания по возвращению Астрахани, планируя грандиозный план прорытия канала между Доном и Волгой для флота с целью выдворения всех московских сил из региона [46], который, в конце концов, материализовался в 1569 году. Но опять вопрос о том, кто получит выгоду от успеха этого плана – султан или хан, посеял недоверие между крымцами и Османами. Даже уже после провала экспедиции обе стороны отказывались признавать русскую оккупацию и продолжали надеяться освободить Казань и Астрахань [47]. Особое положение в договоре об альянсе с Казимиром, королём Польши, который относится к 1654 году, гласит [48]:

«Когда мы воевали против Московии и завоевали с божьей помощью Edjderhan (Астрахань), Казань, Терек и Туру, вы согласились, что все эти и другие мусульманские земли, а также все люди татарского происхождения и ногаи будут принадлежать нам».

Обеспокоенный возобновлением османско-крымских нападений, царь отныне старался умиротворить султана, даже если было необходимо давать ложные показания [49].

Изменения в позициях Русского, Османского и Крымского государств к 1681 году

В скрупулёзном исследовании крымско-русских отношений, основанных на московских архивных документах, Новосельский [50] отмечает 1647 год как поворотный пункт в утверждении русской мощи визави не только к Крымскому ханству, но и к Османской империи. К середине XVII века Российская империя была уже готова появиться как основная сила в Вос-

точной Европе. К 1647 году Россия завершила своё длительное соперничество с Польшей и согласилась сформировать общий фронт против татар и Османской империи. Теперь русские напрямую, через донских казаков, угрожали Османской империи в Чёрном море и Крыму и установили новую линию обороны на границе. Московия эффективно сдерживала крымские набеги. Одной из главных причин в сдвиге баланса силовых отношений на этом фронте для Османской империи оказалась необходимость начиная с 1645 года продолжать заниматься обороной на севере Чёрного моря, вследствие бедственной войны в Средиземноморье с Венецией. Чтобы не провоцировать новые нападения казаков на Азак и черноморские порты в целом, Порта оказывала давление на крымского хана, требуя контроля своих татар с целью удержания от рейдов на русские территории. Разрушительные рейды казаков, ставшие наиболее серьёзными на рубеже XVII века, завершившиеся захватом и обороной Азака (1637–1642 гг.), заставили Порту всё с большей уверенностью поверить угрозе с севера [51].

Московия теперь нашла в казаках эффективную контрсилу против татар и ногаев, дабы противостоять давлению, осуществляемому ханством, а также и Османами, которые играли ключевую роль в защите, а временами и поддержке татар. Хотя Москва продолжала подкреплять донских казаков, она была всё ещё очень осторожна, чтобы не спровоцировать вооружённую реакцию со стороны Османов, и старалась удерживать казаков от нападения на султанские доминионы (владения). В своём письме к царю, датированном сентябрём 1642 года [52], калгай (Kalğay) Фетих Герай осудил двуличие царя, заявив:

«Хотя ты и заявляешь, что удерживаешь донских казаков от Азака и не посылаешь им порох, пули, провизию или любую помощь другого рода [...], при нашем возвращении из Азака твои казаки преследовали нас, сожгли и ограбили наше большое село на морском побережье [...]. Не годится стараться казаться друзьями и в то же время позволять этим разбойникам совершать подобного рода действия».

В 1646 году султан, встревоженный успехами казацких рейдов в Крым, пытался устроить показ силы, настаивая на эвакуации русских из Черкаска (Cherkassk), угрожая в противном случае совершить нападение объединёнными силами Османов и Крыма. Согласно русским донесениям из Стамбула [53], Порта тогда была очень обеспокоена новостью о польско-русском альянсе против Крыма и Азака, которые имели серьёзную опасность возобновления новых нападений казаков.

Контроль москвитянами запорожских казаков был впервые осуществлён в 1654 году договором в Переяславе (Pereiaslav). Это новое развитие событий было критическим со стратегической точки зрения, поскольку контроль русскими донских и днепровских казаков делал угрозу русских

против Крыма и Черноморского региона неминуемой. Казаки были более приспособлены не только в географическом плане, но и в военной организованности и самой тактике успешно воевать против татар вдоль всего Южного фронта от Буджака (Budjak) и до Азака. Поскольку регулярные тяжёлые войска постоянно нуждались в поставках из внутренних территорий, степная зона всегда представляла огромный барьер для русских войск. Ясное отражение изменения царской власти и отношения к ней можно обнаружить в следующих строках письма, написанного Сефером Гази-агой (Sefer Gāzi Ağa) [54], визирем Мехмеда Герая IV, и обращённого к московскому правительству в 1660 году:

«Мы тебя так много раз предупреждали, чтобы ты не вмешивался в дела поляков и днепровских казаков [...] – Ты, *царь* (*Pādiṣāh*), стал самонадеянным, отобрав несколько крепостей у поляков и днепровских казаков, и в своих письмах ты величаешь себя «*императором Запада и Востока*» (*Mağrib and Maşrik Pādiṣāhi*). Давай оставим в стороне Восток, но и на Западе тоже есть такие же, как и ты, христианские падишахи (*Pādiṣāh*), которых короновали семь королей [55]. Можешь ли ты отрицать, что есть *Цезарь* [...]? С другой стороны, многие страны в Европе находятся под властью Османского падишаха. Бог не любит хвастливых людей. Если ты такой самонадеянный, полагаясь на своё оружие и пушки, то мы полагаемся на Бога, который создал мир из ничего [...]. Если ты не вернёшь Польше крепости, которые захватил, мы собираемся напасть на тебя и на днепровских казаков».

Продолжение следует

This article follows the transliteration system used by the Encyclopedia of Islam with the exception of these letters: gh=ğ, sh=ş, w=v.

REFERENCES

1. Szeftel M. The title of the Muscovite monarch up to the end of the seventeenth century. *Canadian-American Slavic studies*, XIII, 1–2 (1979): 59–81.
2. Szeftel M. (p. 62 and the literature); (pp. 62–65); (pp. 66, 69); (p.70); M.F. Vladimirskii-Budanov, *Obzor istorii russkogo prava* (Kiev – SPb., 1900): 162–163; D. Obolenski, *The Structure of Russian History* (New York: Random House, 1970): Cherniavsky (article), “Khan or basileus: An aspect of Russian medieval political theory”, *ibid.*: 65–79;
3. Bertold Spuler. *Die Goldene Horde, Die Mongolen in Russland*, erweiterte Auflage (Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1965): 90–91; also see A. Poppe, “On the title of Grande Prince in the tale of Ihor’s campaign”, *Harvard Ukrainian Studies*, III–IV, *Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak* (1979–1980): 684–689.

4. Veliaminov-Zernov V. V. (and Hüseyin Feyzhanoglu), *Materialy dlia istorii Krimskogo khanstva izvlechennykh iz Moskovskogo Glavnogo Arkhiva Ministerstva Inostrannih Del* (hereafter MIKK) Spb: Academy of Sciences, 1864), no. 1.
5. Szeftel M., *art. cit.*: 61–62.
6. Spuler B., *op. cit.*: 167–170.
7. Szeftel M., *art. cit.*: 64.
8. Spuler B., *op. cit.*: 183–186.
9. *Ibid.*: 67.
10. Spuler B., *op. cit.*: Index; `Abd al-Gaffār Kirimi, *Umdat al-Tawārikh*, ed. N. Asim, Supplement to *Tārih-i Osmani Mecmuasi* (Istanbul, 1343/1924); Z. V. Togan, *Ibn Fadlan's Reisebericht* (Leipzig, 1939); P. B. Golden “Khazaria and Judaism”, *Archivum Eurasie Medii Aevi*, III (1983): 127–129; *id.*, “Imperial ideology and the sources of political unity among the pre-Çingisid nomads of western Euroasia,” *ibid.*, II (1981): 37–76; P.J. Vladimirtsov, *Obschestvennyi stroi Mongolov*, Turk. Trans. Abdülkadir Inan (Ankara, 1944): 210–12 (Russian original: 145–147).
11. Inalcik H. The Khan and the Tribal Aristocracy. *Harvard Ukrainian Studies*, III–IV: 448–449, n. 8, 11.
12. Györffy Gy. Système des résidences d’hiver et d’été chez les nomades et les chefs hongrois au Xe siècle, *Archivum Eurasie Medii Aevi*, I (1975): 45–55) Z.V. Togan, *op. cit.*, Excurses 61 b). P. J. Vladimirtsov, *op. cit.*, Index.
13. Seyyid Mehmed Ridā, *Al-Sab al-sayyār fi akhbār al-mulük al-Tatar*, ed. A.K. Kazembeg (Kazan, 1832): 186–189;
14. Grekov B., Iakoubovskii A., *La Horde d’or* (Paris: Payot, 1939): 135–147; Iakoubovskii (Yakubovsil), *Altin Ordu ve çöküşü* (Ankara, 1976), chapter VII; A. Iakoubovskii, *Feodalizm na Vostoke: stolitsa Zolotoi Orddy – Saray Berke* (Leningrad, 1932).
15. Mehmed Senā`I H. *Historia Chana Islam Gereja III*, ed. Z. Abrahamowicz (Warsaw, 1971): 58.
16. Spuler B., *op. cit.*: 128.
17. Rida M., *op. cit.*: 87; B. Spuler, *op. cit.*: 203; Syroëçkovskii V. E. Muhammed-Girai I ego vassal, *Ucenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 61 (1940): 33–36.
18. See M. Ridā, *op. cit.*: 80–86.
19. Syroëçkovsky V. E., *art. cit.*: 49–53. MIKK: no. 114.
20. Syroëçkovsky V. E., *art. cit.*: 46–47.
21. Appendix (pp. 394–398) on tribute.
22. Syroëçkovskii V. E., *art. cit.*: 49–61; J. Pelenski, *Russia and Kazan* (The Hague: Mouton, 1974): 35.
23. *Ibid.*: 70.
24. J. Pelenski, *op. cit.*: 79.
25. Inalcik H. Kirim Hanlığının Osmanlı tâbiliğine girmesi ve ahidnâme meselesi. *Bellekten*, VIII (1944): 185–229; for Kazan`, J. Pelenski, *op. cit.*: 23–61.
26. Pelenski (p. 67).

27. *Ibid.*: 67.
28. Translation, *ibid.*: 72.
29. *Ibid.*: 55, 72.
30. Vladimirtsov P. J., *op. cit.*: 79–80 (Turkish translation.: 121–123); Syroec̣kovski V. E., *art. cit.*: 39–42.
31. J. Pelenski, *op. cit.*: 72, 74, n. 22.
32. *Ibid.*: 76–87.
33. *Ibid.*: 76.
34. Translation, *ibid.*: 80–81.
35. *Ibid.*
36. *Ibid.*: 84–85.
37. *Ibid.*: 87.
38. *Ibid.*: 82–83.
39. *Ibid.*: 86.
40. Bennigsen A., Lemerrier-Quellejay Ch. La Grande Horde Nogay, *Turcica*, VIII, 2 (1976): 203–236.
41. Inalcik H. *Kirim Hanlığınin...*: 199–223.
42. Smirnov N. A. *Rossia i Turcia v XVI–XVII vv.*, two vols. (Moscow, 1946); Kurat A. N. *Turkiye ve Idil boyu* (Ankara, 1966); Fisher Alan W. *Crimean Tatars* (Stanford: Hoover Institute Press, 1978); Ridā M., *op. cit.* 88–90; Solak-Zade, *Tāriḫ* (Istanbul, 1298/1882): 428–29, Syroec̣kovskii V. E. *art.cit.*:57; Spuler B. Die Europäische Diplomatie in Konstantinopel bis zum Frieden von Belgrad 1739, *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven*, N. F. XI (1935): 53–115.
43. Inalcik H. The Khan...: 445–466.
44. *Ibid.*: 464.
45. Inalcik H. The origin...: 67–72.
46. *Ibid.*: 72–85; Kurat A. N., *op. cit.*; Bennigsen A. *et als*, *op. cit.*; 134–138.
47. Pierling, *Papes et tsars* (Paris, 1890); Inalcik H. The origin...: 94; Bennigsen A., Berindei M. Astrakhan et la politique des steppes nord-pontiques, *Harvard Ukrainian Studies*, III–IV, part I: 71–91.
48. *MIKK*: no. 165.
49. Inalcik H. The origin...: 91–100.
50. Novosel'skii A. A. *Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s Tatarami v pervoi polovine XVII veka* (Moscow: Academy of Sciences, 1948): 363–367.
51. *Ibid.*, chapter VI; Na`ima, *Ravdat al'Husayn...*, (Istanbul, 1281/1865) I: 5–6; IV:5–7, 15–17, 32–86; Başvekālet Archves, *Mühimme defteri*, nos. 87, 88, 89; Novosel'ski A. A., *op. cit.*: 375–376, 383–384; *MIKK*: nos. 3, 8, 16, 20, 21, 24, 44, 63, 68, 71, 112, 118, 159, 161, 178, 181, 194, 267.
52. *MIKK*: no. 63.
53. Novosel'skii A.A., *op. cit.*: 386–387.
54. *MIKK*: no. 362.
55. For the Habsburgs and the Ottoman *Pādişah`*s recognition of the title *Emperor* see *infra*.

Примечания

Эта статья придерживается системы транслитерации, принятой Энциклопедией Ислама, за исключением следующих букв: gh= ğ, sh= ş, w= v.

1. Марк Шефтель (M. Szeftel). «The title of the Muscovite monarch up to the end of the seventeenth century» («Титул московского монарха вплоть до конца семнадцатого столетия»), *Canadian-American Slavic Studies*, XIII, 1–2 (1979): – (Канадско-американско- славянские исследования).

2. Марк Шефтель находит византийское происхождение или византийское влияние на титулы *Божьей Милостью* (стр. 62 и литература), *Государь* (стр. 52–65), *Самодержец* (стр. 66–69) и *Царь* (стр. 70); однако он подчёркивает, что вопреки факту, что православная церковь Московии инициировала такие титулы для московских правителей, последние долгое время избегали использования его в международных отношениях. Говоря о титуле *Самодержец*, он отмечает (стр. 69): «Таким образом, каково бы ни было изначальное желание, приведшее к принятию московским монархом титула *самодержец*, он, несомненно, следовал византийской модели, и влияние его власти совершенно отличалось от влияния императора Византии». М. Ф. Владимирский-Буданов, *Обзор истории русского права* (Киев – Санкт-Петербург, 1900 г.): 162–163, как, подводя итог, М. Шефтель (стр. 62) делает акцент на современные исторические реалии; для принятия титула *Государь* М. Шефтель сам (стр. 70) признаёт важность исторического развития на *Востоке*. Согласно Д. Оболенскому, «Византийское наследие России», в М. Чернявском, под ред., «*Структура российской истории*» (New York: Ransome House, 1970): 3–28, вопрос происхождения необходимо проверить (стр. 4) «в более широком формате», и мы не должны забывать, что «связь России с европейскими и азиатскими мирами, которые её окружали и влияли на неё в течение различных периодов её истории, должны тоже составить часть этой картины». В то время как он отмечает (стр. 6), что «доктрина божественно посвящённой и всеобщей монархии, дающая религиозные санкции теории Москвы как Третьего Рима и политическое значение Имперской коронации Ивана Грозного в 1547 году, может быть прослежена в прямой линии, восходящей к византийской теории христианской Империи», его завоевания Казани и Астрахани «означали принятие царём политического наследия татарского хана». Последний пункт наиболее полно разработан в статье М. Чернявского «*Хан или базилик (basileus): Аспект средневековой политической теории России*», там же: 65–79; там подчёркивается татарское происхождение регалий москвитян.

3. Бертольд Шпулер, *Die Goldene Horde, Die Mongolen in Russland* (Золотая Орда, монголы в России), 2. erweiterte Auflage (расширенный тираж) (Wiesbaden: Otto Harrasowitz (Висбаден: Отто Харразович) 1965): 90–91; а также смотрите А. Поппе, «On the title of Grand Prince in the tale of Igor's campaign» (О титуле Великого князя в «Слове о полку Игореве»), *Harvard Ukrainian Studies* (Гарвардские украинские исследования), III–IV, *Eucharisterion: Essays present-*

ed to Omeljan Pritsak (1979–1980): 684–689. (Эссе, представленные Омельяну Прицаку).

4. Использован впервые Мохаммедом Гераем I в договоре, заключённом с Казимиром в 1520 году, опубликованном В. В. Вельяминовым-Зерновым (и Хусаином Фейзханоглу), *Материалы истории Крымского ханства, извлечённые из Московского Главного Архива Министерства Иностранных Дел – Kırım yur-tuna ve ol taraflarğa dâir Bolğan Yarlığlar ve Khatlar* (впоследствии МИКК) (Spb.: Academy of Sciences, 1864), no. 1.

5. М. Шефтель, *art. cit.*: 61–62.

6. Б. Шпулер (B. Spuler), *цит. соч.*: 167–170.

7. М. Шефтель, *art. cit.*: 64.

8. Б. Шпулер, *цит. соч.*: 183–186; чеканка монет с именем татарского хана была прекращена в 1480 году, когда они были заменены именем московского правителя (Иван III): смотрите М. Чернявский, *цит. соч.*: 70–71; однако в 1504 году в русской столице всё ещё вёлся разговор о дани, которую необходимо оплатить ханствам: смотрите М. Рублёв, «Монгольская дань...», в М. Чернявском, *цит. соч.*: 51.

9. *Там же*: 67.

10. Б. Шпулер, *там же*: Указатель; как с уроженцем, отображавшим ментальность и традиции народа `Abd al-Gaffār Kirîmî, `Umdat al-Tawarikh (*Книга истории*), ред. N. Asim, Приложение к журналу *Tarih-i Osmani Mestuasî* (*Журнал истории Османов – исторический журнал, выходивший раз в два месяца.– Прим. пер.*) (Istanbul, 1343/1924), представляет особый интерес, давая возможность проследить, что борьба за доминирование между могущественными племенами должна была быть организована многочисленными принцами Джучи (Djodjid) даже в период упадка Золотой Орды. Другой пример того, как народы Евразии придерживались традиций ханства Чингисидов, – это великий завоеватель Тимур. Он имел только звание Kūregen (или Gurgān) и относился к династии Чингисидов с материнской стороны. По традициям Евразии, Чингисхан являлся потомком *Altan Oruğ* или Имперского дома, имеющего божественное происхождение; смотрите Z. V. Togan, *Ibn Fadlaan's Reisebericht* (Рассказ Ибн Фаддлана) (Leipzig, 1939), Excursus 94 and 100a; P. V. Golden, “*Khazaria and Judaism*” («Хазария и Иудаизм»), *Archivum Eurasie Medii Aevi* (Евразийский архив Меди Аеви., III (1983): 127–129 (его анализ Tāngri-Khan): id., “Imperial ideology and the source of political unity among the pre- Çhingisid nomads of Western Euroasia” («Имперская идеология и источник политического единения в среде племён дочингисидов в Западной Европе») *Там же*, II (1981): 37–76; о священном характере права дочингисидов на верховную власть смотрите: П. Я. Владимирцев (P. J. Vladimirtsov) *Общественный строй Монголов, турец. перевод Abdulkadir Inan* (Ankara, 1944): 210–212 (русский оригинал: 145–147).

11. По поводу *Karaçu* смотрите: Х. Инальджик, “*The Khan and the Tri-*

bal Aristocracy” («Хан и аристократия племени»), *Harvard Ukrainian Studies* (Гарвардские украинские исследования) II–IV: 448–449, п. 8, 11.

Четыре Карачи-бека Крыма действительно продолжали древнюю евразийскую традицию, которая была унаследована от Монгольской империи; о четырёх Карачи-беках в Золотой Орде смотрите `Abd al- Gaffār, *цит. соч.*: 193. Именно бек наиболее могущественного племени Карачи действительно решал, кто заслуживает быть ханом. Власть Мамая или Едигея в империи Золотой Орды находит своё объяснение в этом учреждении. В Крымском ханстве глава Карачи-бек (принадлежавший к клану Ширинов) был в таком же положении; смотрите: Х. Иналъджик, *art. cit.*: 445–452. Менгли Герай-хан, женившись на Нур-Султан, вдове Ибрахима, хана Казани, очевидно, планировал усилить своё влияние на племена в Большой Орде на Волге, которые включали могущественные ногайские племена. Московская дипломатия достигла большого успеха в умении сохранять коллаборационизм этих племён до и после завоевания Улуг Юрта Золотой Орды; также смотрите: В. F. Manz, *“The Clans of the Crimean Khanate”* («Кланы Крымского ханства»), *Harvard Ukrainian Studies* (Гарвардские украинские исследования), II, 3 (1978): 282–309.

12. Ханский юрт, включающий летние и зимние пастбища, обычно располагался на нижних и верхних участках реки; смотрите: Gy. Györffy, “Système de résidences d’hiver et d’été chez les nomades et le chefs hongrois au Xe siècle”, *Archivum Eurasie Medii Aevi* (Система зимних и летних резиденций среди кочевников и венгерских вождей в X веке), I (1975): 45–55) или на священной горе (*Altin-Tağ*, или Золотая Гора, считалась священной территорией). Там устанавливалась *Алтын-Орда* (*Altin Orda*), или Золотая Палатка, хана (смотрите: Z. V. Togan, *цит. соч.*, Excursus 61b). Другими словами, *Великий Юрт* был территорией, где располагалась священная государственная власть хана. В ранние годы Монгольской империи это был регион реки Керулен (*Kerülen*), где Чингисхан обычно держал свою *orda*, то есть ставку. Там должен был проводиться *курултай* (см. P. J. Vladimirtsov, *цит. соч.*, указатель).

13. В 1678 году, пока он был на крымском троне, Мурад Герай даже объявил, что слишком большой конформизм в религиозном праве вёл к нарушению “*Djinggis Töre*” (свод законов, право Чингисидов) и приводил к ухудшению самой основы структуры ханства. Среди различных мер по восстановлению тюрко-монгольских традиций было, в первую очередь, упразднение исламского учреждения *kādi-`asker* (судейства) и замена его на “*Töre-başı*” (глава законодательного органа) перед отправлением в Венгрию в 1683 году. Таким образом, он отдал предпочтение крымской аристократии племени в противовес улемам, которые больше зависели от Стамбула, чем от хана. Отношение мурз (*mirzas*) к Османам было более внятное, чем у улемов и торговцев. В тесном сотрудничестве с ними Мурад Герай предпочитал иметь независимую политику по отношению к Османам. Он был очень горд своей родословной Чингисидов. Seyyid Mehmed Ridā, «*Al-Sab Al-sayyār fi akhbar al-mulūk al-Tatar*» (Законодательство татарского народа), ред. А. К. Kazembeg (Kazan, 1832): 186–189.

14. О двух Сараях в низовьях реки Итиль смотрите: В. Grekov, А. Iakoubovs-

kii, La Horde d'or (Золотая Орда) (Paris: Payot, 1939): 135–147; A. Iakoubovskii (Yakoubovskii), *Altin Ordu ve çöküşü* (Золотая Орда и её распад), перевод на турецкий Н. Eren с третьего расширенного издания (Анкара, 1976), глава VII; A. Iakoubovskii *Feodalizm na Vostoke: stolitsa Zolotoy Ordy – Saray Berke* (Leningrad, 1932).

15. Н. Mehmed Senā'i, *Historia Chana Islam Gereja III*, ed. Z. Abrahamowicz (под редакцией Абрамовича), (Warsaw, 1971): 58; в 1520 году Мохаммед Герай написал королю Польши: «Великий Тохтамыш-хан и мой дед Великий Хаджи Герай-хан», *МИКК*: no. 1.

16. Б. Шпулер, *цит. соч.*: 128.

17. М. Ridā, *цит. соч.*: 87; Б. Шпулер, *цит. соч.*: 203; В. Е. Сыроечковский, «Мухаммед Герай и его вассалы», Учёные записки Московского государственного университета, 61 (1940): 33–35. После того как потомки Орды, брат Бату с помощью Тамерлана и мощных племён при Едигее-беке (Edigü Beg), выдворили Тохтамышша, потомок Тукай Тимура, младший брат Бату из Великого ханства в низовье реки Итиль, в 1397 году сыновья Тохтамышша и Гераи Крыма боролись, чтобы отвоевать *Великое* ханство (*Uluğ Khanate*). `Abd al-Gaffār (*цит. соч.*) главный источник информации об этой борьбе. Интересно отметить, что последний великий хан Золотой Орды Şaykh Ahmed пытался сохранить благосклонность османского султана. Его послы были в Стамбуле в сентябре 1503 года: см. “*Defter Müsevvedāt-i in`ām...*” («*Тетрадь представленных черновых записей*»), ed. Ö. L. Barkan, *Belgeler* (Документы), IX (1979): 318.

18. См. М. Ridā, *цит. соч.*: 80–86.

19. О политике Москвы по привлечению крымских принцев-диссидентов (несогласных) и об интригах московских агентов в Бахчисарае и Стамбуле с целью создания промосковских фракций смотрите: В. Е. Сыроечковский, art. cit.: 49–53. В 1648 году Ислам Герай-хан протестовал против царя, посылавшего письма напрямую крымским бекам: *МИКК*: no. 114.

20. Князь Одоева обычно платил 1000 золотых за *ясак* (*yasak*) и 1000 золотых за *дарага* (*даруга*) – *daraga* (*daruğa*). Поскольку князь стал зависимым от великого князя Москвы, Менгли Герай предложил последнему платить за него. Москва приняла это предложение, но возражала против проведения данного сбора напрямую членами самой семьи татарского бека, принимавшего этот доход как собственное достояние. Несколько русских городов, таких как Одоев, платили дань крымцам; когда они вошли под суверенитет Москвы, великий князь пытался отменить или изменить суть оплаты; смотрите: В. Е. Сыроечковский, art. cit.: 46–47.

21. См. приложение (с. 394–398) о дани.

22. О роли разделения и соперничества в среде крымской аристократии племени смотрите: В. Е. Сыроечковский, art. cit.: 49–61; об амбициях Мохаммеда Герая см: Ярослав Пеленский, *Russia and Kazan* (Россия и Казань) (The Hague: Mouton, 1974): 35.

23. *Там же*, 70; с целью дискредитации Москвы в Стамбуле крымцы

использовали те же самые религиозные аргументы и на османских султанов, и это, казалось, производило впечатление; см: Халил Инальджик, “The origin of the Ottoman-Russian rivalry and the Don-Volga canal (1569)” («Происхождение османо-русского соперничества и Волго-Донской канал»), *Annales de l'Université d'Ankara* (Летопись университета Анкары), I (1947): 47–110; Письмо Мохаммеда Герая I султану против Москвы, опубликованное А. Беннингсеном (A. Benningsen), et al, *Le khanat de Crimée...* (и др., Крымское ханство), 110–114.

24. Я. Пеленский, *там же*: 79.

25. По османскому делу см.: Х. Инальджик, “Kırım Hanlığının Osmanlı tâbîliğine girmesi ve ahidnâme meselesi” (Вхождение Крымского ханства в подчинение Османов и вопрос ахдنامه (клятвенного договора). *Belleten*, сборник), VIII (1944): 185–229; О Казани (for Kazan'), Я. Пеленский, *op. cit.* 23–61.

26. О развитии этой теории смотрите: 67–75; Я. Пеленский (стр. 67) говорит о «ловком использовании титулов и юридических фраз в московской дипломатии».

27. *Там же*: 67.

28. Перевод, *там же*: 72.

29. *Там же*: 55, 72.

30. О важности и соглашении, о курултае (Хурилтай) после смерти Чингисхана см: П. Владимирцев, *там же*: 79–80 (Турецкий перевод: 121–123); о Крымском государственном совете см: Сыроечковский, *там же*: 39–42.

31. Я. Пеленский, *там же*: 72, 74, п. 22.

32. *Там же*: 76–87.

33. В заявлении к польскому королю в 1524 году, перевод, *там же*: 75.

34. Перевод, *там же*: 80–81.

35. *Там же*.

36. *Там же*: 84–85.

37. *Там же*: 87. Я. Пеленский замечает «равнозначность русского и тюркского понятия *yurt*».

38. *Там же*: 82–83.

39. *Там же*: 86.

40. Смотрите: А. Беннингсен, Ш. Лемерсье-Келькеже, (Lemercier-Quelqu-ejay), “La Grande Horde Nogay” («Великая ногайская Орда»), *Turcica*, VIII, 2 (1976): 203–236.

41. См: Халил Инальджик, “Kırım Hanlığının...” («Крымского ханства...») 199–223.

42. История османско-русских отношений, написанная Н. А. Смирновым, *Rossia i Turssiia v XVI–XVII vv.* (Россия и Турция в XVI–XVII веках), в двух томах (Москва, 1946); А. Н. Курат, *Türkiye ve Idil boyu* (Турция и территория вдоль реки Идил) (Ankara, 1966); краткий отчёт с библиографией турецких и русских работ Алана Фишера, «*Crimean Tatars*» («Крымские татары») (Stanford: Hoover Institute Press, 1978); о разногласии между Мохаммедом

Герай-ханом и Селимом I см: М. Ridā, *цит. соч.*: 88–90; Solak-Zāde, *Tārikh* («История») (Istanbul, 1298/1882): 428–429; сообщение русского посла Голохавцева из Стамбула, в анализе Б. Е. Сыроечковского, art. cit.: 57; Бертольд Шпулер, “Die Europäische Diplomatie in Konstantinopel zum Frieden von Belgrad 1739” (Евразийская дипломатия в Константинополе к миру в Белграде 1739 г.), *Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven* (Ежегодники культуры и истории славян), N. F. XI (1935): 53–115.

43. Халил Инальджик, “The Khan...” («Хан...»), 445–466.

44. Там же: 464.

45. Халил Инальджик, “The origin...”; 67–72 («Происхождение...»).

46. Там же: 72–85; А. Н. Курат, *цит. соч.*; А. Беннигсен, *et als (u др.)*, *цит. соч.*: 134–138.

47. Важно заметить, что московские правители всерьез не рассматривали участия в планах крестовых походов пап против Османов не только из-за негативной позиции Польши по этому поводу (см: Pierling, *Popes et tsars* (Папы и цари) (Paris, 1890)), но также, вероятно, что более важно, из-за их более удаленного положения на Востоке перед тогда слишком мощной Османской империей; однако Московия пыталась установить альянс с сафавидским Ираном начиная с середины шестнадцатого века; см: Халил Инальджик, “The origin...” («Происхождение...»): 94; A. Bennigsen, M. Berindei, “Astrakhan et la politique des steppes nord-pontiques” («Астрахань и северо-понтийская степная политика») *Harvard Ukrainian Studies* (Гарвардские украинские исследования), III–IV, part I: 71–91.

48. *МИКК*: no. 165.

49. Х. Инальджик, “The origin...” («Происхождение...»): 91–100.

50. А. А. Новосельский, «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века» (Москва: Академия наук, 1948): 363–367.

51. Там же, глава VI; Na'imā, *Ravdat al' Husayn...*, (Istanbul, 1281/1865) I: 5–6; IV: 5–7, 15–17, 32–86; в отношении государственных документов см: Başvekālet Archives, Mühimme defteri (Архив при управлении премьер-министра; в Османской империи тетрадь, куда записывались решения, принимаемые на Совете (Диване), nos. 87, 88, 89; А. А. Новосельский, *цит. соч.*: 375–376, 383–384; *МИКК*: nos.3, 8, 16, 20, 21, 24, 44, 63, 68, 71, 112, 118, 159, 161, 178, 181, 194, 267.

52. *МИКК*: no. 63.

53. А. А. Новосельский, *цит. соч.* : 386–387.

54. *МИКК*: no. 362.

55. Он обращается к императору Священной Римской империи и семи курфюрстам; о признании Габсбургами и османским падишахом титула *император*.

Сведения об авторе перевода: Лейля Сейтхалиловна Сейтхалилова – старший преподаватель английского языка, лаборант-исследователь Крымского научного центра Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); lilya_crimea@mail.ru

Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature.

Halil Inalcik

Abstract. The given article is a Russian translation of the Turkish historian (Crimean Tatar origin) Halil Inalcik's work "Power Relationships between Russia, the Crimea, and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature". It analyzes the historical ways of development between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire. The author focuses attention on changes of titulature of Russian tsars in the context of changes in mutual power relationships between the states.

Keywords: Crimean Khanate, Ottoman Empire, titulature, Russia, sovereignty, Girays, power relationships.

For citation: *Inalcik H.* Power Relationships between Russia, the Crimea and the Ottoman Empire as Reflected in Titulature. / *Inalcik H.; Transc. Seytkhalilova L. S.* Krymskoe istoricheskoe obozrenie=*Crimean Historical Review*. 2019, no. 2, pp. 86–107. DOI: 10.22378/kio.2019.2.86-107

About the translator: Leylya Seytkhalilovna Seytkhalilova – senior English language teacher, laboratory assistant of the Crimean Scientific Center of Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (420111, Kazan, Batirin St., 7A, Russian Federation); lilya_crimea@mail.ru

